

Эмиль МИТЛИН ВETERANAM

Был день, ожегший поколения,
Он снова в памяти живой...
И горечь первых поражений,
И первый ваш победный бой.

Вы все прошли: огонь и стужу,
Людей теряли дорогих,
Храня израненные души
И память о друзьях своих.

Вы не сдавались, не роптали,
Стирая с лиц горячий пот.
И верили, как в крепость стали:
Заря над Родиной взойдет!

И как бы жизнь вас ни ломала,
Как бы ни кривила тела, —
Вас эта вера поднимала
И через годы провела.

А перетруженные руки
Опять берутся за дела,
Чтоб улыбались ваши внуки
И наша Родина жила.

Нам, столько сделать
не сумевшим,
Глошащим просчетов дым,
Прожить бы, помня об ушедших,
Дать каплю радости живым...

В саду зеленая калитка
И птички трели по утрам...
Долг не вернувшая Магнитка
Сегодня кланяется вам!

Иван ЕФАНОВ,
инвалид войны

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

Работяга, мужик с Уфалея,
В полуночный и сумрачный час,
Ни себя, ни меня не жалея,
Излагал мне жестокий рассказ:

— В излиявшей тельняшке
братан
С пол-литровой горючей
бутылкой
Сжег зарвавшийся
вражеский танк
И упал с разможенным
затылком...

Мы лежим в госпитальной
палате —
Старики, растерявшие сны —
Я и друг мой, Григорий Булатов,
Ветераны огромной войны.

Раскрываю ответную быль
Про поход через нервы и кровь,
Где и вши, и липучая пыль,
И святая, как вера, любовь.

Замирают тугие шумы,
Осыпаясь все тише и тише...
Огорошены памятью мы,
Потому-то не спится нам, Гриша.

После окончания
Финской войны
и освобождения
Западной Белоруссии
и Литвы я дослуживал
свой срок помощником
командира
по политчасти конного
подразделения 164-го
стрелкового полка.
Полк был
расквартирован
в городе Вилкавишкис
Литовской ССР в 12 км
от границы с Германией.

На самой границе располагалось село Вержболово, посередине которого протекал ручей. Правая часть села относилась к Восточной Пруссии, левая — к Литве. Словом, граница была более чем прозрачной. Недалеко от деревни наши начали строить доты — долговременные огневые точки. Строители не были вооружены. Стройку огородили рубленным листовым лесом. Когда листья высохли и пожелтели, доты превратились в хорошо видимую мишень. Военное оборудование для них ждали из-под Минска, оно было еще в пути. Где-то в первых числах июня литовцы пустили слух, что 22 числа немцы нападут на русские и будет война. Появилось немало перебежчиков с немецкой стороны, в

основном коммунисты. Для большей убедительности они предъявляли документы и тоже говорили, что 22 июня начнется война.

Что же предприняло наше командование? Появился приказ отобрать батальон красноармейцев и командиров, самых лучших, и приготовить их для отправки. Вместо них вскоре прислали пополнение. Это были необученные, не знавшие ни слова по-русски таджики и туркмены. Дальше: отменили горячее питание, посадив весь личный состав на сухой паек. Красноармейцы пребывали в полуголодном состоянии. Каждому выдали НЗ — 100-граммовую банку рыбных консервов, кусок сахара граммов на 50 и два сухаря.

Примерно за неделю до называемой всеми даты на границу начали посылать батальоны, по ночам в том же направлении шли танки. Это были тяжелые машины КВ — Клим Ворошилов, машины, настоящие стальные крепости. Сколько их прошло, я не считал, но очень много. Было уверенность, что теперь граница на крепком замке.

Занятия в части прекратили, и красноармейцы слонялись, не зная, чем заняться. 21 июня с границы сняли батальон солдат и привели в часть смотреть кино. С батальоном прибыл и мой друг — лейтенант Роман Егоров, с которым мы учились в средней школе. Он прибыл в наш полк недавно, после окончания Московского военного училища. Когда с ним встретились, он поделился: мол, получил сегод-

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

ня деньги и неплохо бы «отметить начало войны». Я принял его шутку, мы взяли водки, дело оставалось за закуской. Здесь подвернулся завскладом. Мы объяснили ситуацию, и он пригласил нас в гости на склад. Войдя туда, глазам своим не поверили — чаны с салом, бочки с рыбой, ящики и коробки с мясными и рыбными консервами, колбасы, масло, шоколад, конфеты... Словом, все продукты, какие только есть на свете. И это в то время, когда нас держат на полуголодном пайке! Тогда для кого все это?

Мы с Романом набрали продуктов полный вещевой мешок. Завскладом не возражал — скоро война, она все спишет. Нашли мы укромное место, посидели, порассуждали, какой будет война. А может, все же не будет? Ведь танки на границе, солдаты спокойно смотрят кино. Роман сокрушался: как воевать с такими солдатами — порусски ни бум-бум, не обучены. И таких — ползвода. Хмель нас не брал — то ли водка была некрепкой, то ли закуска хорошей, прежде мне такой даже видеть не приходилось. К отбою разошлись.

В казарме у меня была отдельная каморка. Раздеваться не стал, снял только и поставил рядом сапоги. Под рукой — автомат, шашка, снайперская винтовка. Еще в 39-м году я окончил школу снайперов. В подразделении была бесхозная винтовка, и я ее взял себе. Дали мне 50 патронов и три диска на автомат ППШ.

Легли спать. И вдруг — сильный взрыв. Разорвавшийся возле казармы снаряд выбил все стекла, от пыли сделалось темно. Среди красноармейцев паника: кто-то сдал сапоги в ремонт, кого-то ранило в ногу... Командую: «В ружье! На конюшню!» Быстро седлаем коней и ждем команды.

Рассвет только-только начинался. Прибегает командир — он жил в городе — и приказывает вести взвод к границе. «А мне, — сказал он, — нужно посадить на поезд жену и сына». Потом мы узнали, что эшелон с семьями командиров был уничтожен немцами. Меж тем, на высоте птичьего полета уже летали немецкие самолеты «рама» и вели обстрел части. По дороге в

одном из кюветов увидел я убитым своего друга, лейтенанта Егорова. Погиб в первый час войны.

На границе та же картина: в небе хозяйничают «рамы». Через час показались немцы. Начали с психической атаки, но нам удалось ее отбить. Через некоторое время атака повторилась, и вновь мы отбились. Что делать дальше? Нет никакого приказа, нет связи, нет подкрепления. Командир полка говорит: «Надо продержаться до восьми утра». Потом — до десяти. И опять — никаких команд. Командир послал меня в штаб дивизии, который находился в 15 км в тылу. Приехав в расположение штаба, увидел лишь сломанные повозки, разбросанное всюду обмундирование.

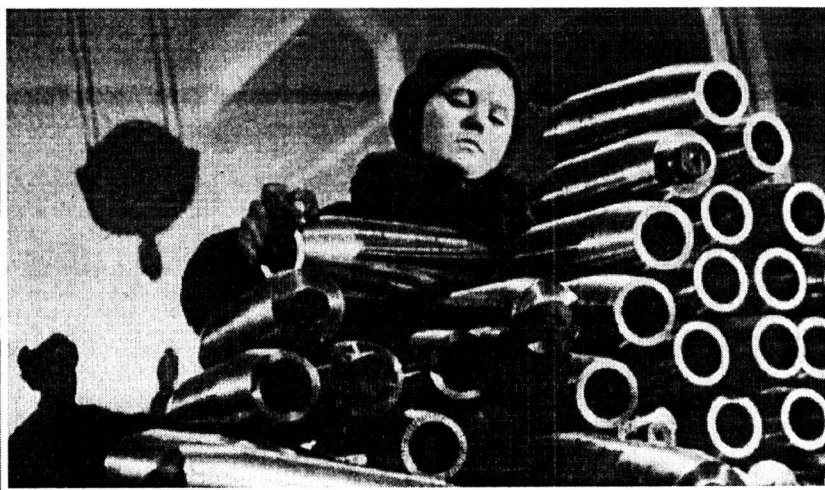
Вернувшись, доложил командиру об увиденном и попросил еще патронов — свой запас я уже израсходовал. «За боеприпасами поехали», — сказали мне. И опять неизвестность: связи нет, нет ни наших танков, ни самолетов. Потом очевидцы говорили, что на находящемся недалеко от нас аэродроме накануне вечером дали команду слить горючее из самолетов. Якобы для профилактики моторов.

Командир полка послал в тыл шесть разведчиков, чтобы хоть что-то узнать. Но они не вернулись, как не вернулась и посланная за боеприпасами повозка.

Немцы, однако, стали беспокоить меньше. Видно, нашли свободный коридор, где сопротивление им не было. И вот командир принял решение: отступить на ранее подготовленные позиции. А кто нам их подготовил? Похоронив убитых, тронулись в тыл. Всю дорогу нас обстреливали со всех сторон. В одном местечке открыли ураганный огонь из пулеметов — это были литовцы. Перейдя мост, взорвали его, оставив часть полка по ту сторону. Немцы от нас не отставали, и мы оказались в окружении.

Это был первый день войны. И не только со мной. По чьей вине все так произошло? Куда делись танки, которые по ночам шли к границе? Ответа я не знаю и по сей день...

В. БОГОМОЛОВ,
ветеран войны и труда,
бывший младший политрук.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

В январе пришло к ветерану газоспасательной службы комбината Роману Николаевичу Бауэру поздравление с 55-летием со дня снятия блокады Ленинграда. И поневоле вспомнилась ему вся жизнь, опаленная жестоким пламенем войны...

Предки Романа Николаевича покинули Германию и осели в Санкт-Петербурге еще при Екатерине Второй. Не покладая рук столетиями трудились во славу России, растили и воспитывали достойных нового Отечества детей. Из поколения в поколение старались передать главное: только честный труд и порядочность красят человека. Со старых, но четких и аккуратных снимков, сделанных в одном из петроградских фотосалонов и чудом сохранившихся до наших дней, смотрят родители Романа Николаевича. Отец его закончил высшее коммерческое училище в Петрогра-

де. Женился поздно, поэтому и сын появился в семье только в 1932 году.

К началу войны Роман окончил четыре класса школы. Жили недалеко от Пискаревского кладбища. Тут и застала семью блокада. По 125 граммов хлеба в день. Продуктами питания стали столярный клей и опилки. Помнит Роман, как на кладбище свозили трупы, порой обливали бензином и сжигали. Были и случаи людоедства...

В 1942 году удалось выбраться на Волгу в город Пугачев. Но шла война с фашистской Германией, и было вполне естественным то, что к немцам относились, мягко говоря, с большим предубеждением. Через три месяца семью выселили из Пугачева в Джамбульскую область, в колхоз «Новая жизнь». Жили на частной квартире. Вскоре отца забрали на спецработы в Гурьев, в трудармию, где он и умер в 1943 году. Роман работал в колхозе, как и все. Собирали в поле колоски, помогал матери. Здесь и нашел их дядя. Приехал и забрал к себе в Челябинск. Мать устроила на работу, а Роман поступил в ре-

месленное училище на электрослесаря. Работал электромонтажником. Здесь же, в Челябинске, в течение десяти лет состоял на спецучете. Постоянно отмечался, сносил многие издевательства: и фашистом обзывали, и врагом народа, и старлей однажды орал, что пристрелит, размахивая перед носом пистолетом... Все было...

Но время шло. Менялось и отношение к российским немцам. Да и по сей день Роман Николаевич не знает немецкого языка. Обрусели они давно. По работе стал часто бывать в командировках. В одной из них, в Магнитогорске, встретил Галину Петровну Елашкину. Поженились они в 1958 году. А в 1963-м родилась дочь Ирина, которая нынче работает медицинской сестрой. Однажды сразу стал дважды дедом: в семье дочери родилась двойня...

На комбинат Роман Бауэр поступил в 1958 году учеником газоспасателя. Так и проработал в газоспасательной службе до выхода на пенсию...

За время работы на комбинате

ИСПЫТАНИЕ БЛОКАДОЙ

побывал Роман Николаевич в Германии, Чехословакии, Болгарии, в Ялте и Гаграх. Поэтому и говорит за все только добрые слова руководству ГСС и комбината.

Роман Николаевич Бауэр и сегодня энергичен и бодр, любит Магнитку как свой родной город. Хотя и пережил блокаду Ленинг-

рада, годы тяжких испытаний и потрясений, обид и оскорблений, но душа его светла и отзывчива, ничто темное не пристало к ней с годами, а жизнь продолжается в дочери и внуках.

А. ПАВЛОВ.
На фото Ю. ПОПОВА: Р. Н. Бауэр.